

4 (17) апреля

Священномученик
Николай (Караулов),
епископ Вельский, викарий Вологодской епархии

Священномученик Николай родился 28 мая 1871 года в селе Томаш Кадниковского уезда Вологодской губернии в семье священника Аполлония Караулова. В 1893 году Николай окончил Вологодскую Духовную семинарию и был назначен псаломщиком в Георгиевский храм в городе Вологде. 26 декабря того же года он был рукоположен во диакона. 12 сентября 1894 года диакон Николай был переведен служить в Спасский собор и 14 сентября 1898 года рукоположен во священника к этому собору.

7 февраля 1901 года отец Николай был назначен настоятелем Екатерининской церкви, с которой была связана впоследствии вся его пастырская деятельность. В это время отец Николай был законоучителем в городском Колесниковском училище; в 1903-1904 годах он входил в число жертвователей Попечительства о бедных воспитанниках Вологодской Духовной семинарии, в 1909 году стал жертвователем на постройку здания для образцовой школы при Вологодском епархиальном женском училище; в 1905-1906 годах он выступал с лекциями на публичных религиозно-нравственных чтениях, организованных вологодским православным братством во имя Всемилоственного Спаса.

Как и всякий стремящийся к спасению души благочестивый человек, отец Николай в трудных случаях жизни находил утешение и почерпал силы в молитве у великих святых Русской Церкви, беседовал с подвижниками-старцами, просил их молитв, зная, что молитвы людей, угодивших Богу, скорее будут услышаны, ибо много может молитва праведника. Незадолго до смерти горячо любимой супруги отец Николай посетил Черниговский скит и жившего здесь старца Варнаву*.

«Подходим к маленькому домику отца Варнавы, – вспоминал впоследствии отец Николай. – В сенцах толпится много народа. Кого тут нет: и простецы и интеллигенты, и богатые и бедные – все ожидают старца, чтобы принять его благословение, чтобы получить ответ на волнующий душу вопрос. Общее чувство ожидания сообщилось и нам. Как хотелось увидеть его, живущего в миру, но поборовшего зло его и получившего великий дар утешения. Дошла очередь до нас. Мы вошли в келью старца. В переднем углу образ святителя Николая Чудотворца, в уголке по одной стене лепится простой диванчик и угольничек; пред маленьким оконцем, полузавешенным шторой, стоял деревянный столик, прикрытый старой клеенкой. Простая обстановка! Помолившись на образ, мы по-иерейски поздоровались с отцом Варнавою. “Откуда вы?” – “Из Вологды”. – “Как там живете, где служите?..” Свои вопросы он перемешивал нравоучениями краткими, положительными и глубокими. Глаза его вдумчивые смотрели прямо на тебя, лицо доброе-предоброе невольно манило к себе своей искренностью, участием и отеческою ласковостью. Среди разговоров отец Варнава, устремив на меня долгий взор, который так и проникал в глубину сердца, каким-то особенным

* Преподобный Варнава Гефсиманский (в миру Василий Ильич Меркулов), иеросхимонах, местночтимый святой Московской епархии; память празднуется 6/19 июля.

тоном сказал: “Бедные, бедные, как вы живете...” Эти слова навсегда запечатлелись в моем сердце. Да и как не запечатлеться, когда они так ясно выполняются в моей жизни, как не вспомнить доброжелательность старца, с такою жалостью говорившего о моей будущей судьбе, о моей несладкой доле? Скоро после того я, молодой иерей, лишился любимой жены, оставившей мне троих малолетних детей. Слова старца не забудутся никогда, ибо они проливают утешение в душу мою в минуты скорби»¹.

Долго и тяжело отец Николай переживал смерть супруги и что теперь крест воспитания детей ему придется нести одному, но по милости Божией в сердце снизошли мир и покой, и все его мысли и чувства стали постепенно подчиняться служению Богу и пастве.

На пастырском поприще отец Николай встретил эпоху гонений на Русскую Православную Церковь. Как священник, хорошо известный в Вологде и пользующийся большим уважением прихожан, он в 1921 году был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, приговорен к двум годам ссылки и выслан в город Пинегу Архангельской губернии.

По возвращении из ссылки он застал положение церковных дел в городе крайне расстроеным, так как правящий архиерей, епископ Александр (Надеждин), отпал в обновленчество, а назначенный вместо него православный епископ Сильвестр (Братановский) не имел возможности жить в Вологде и управлять епархией.

21 октября 1923 года священник Николай Караулов по пострижении в монашество с оставлением прежнего имени был хиротонисан во епископа Вельского, викария Вологодской епархии, и назначен временно управлять Вологодской епархией. Только теперь владыка Николай почувствовал вполне, что архиерейская митра в условиях беспощадных гонений от коварных безбожников есть тяжкий терновый венец, и от исполнения своих обязанностей отказался: «вследствие недоброжелательного отношения ко мне, как к епископу, со стороны духовенства и мирян Вельского уезда, а также и от управления Вологодской епархией, потому что полномочия, данные мне правящим епископом Вологодским Сильвестром, являются недостаточными на основании существующих законоположений. Кроме сего, я сильно болею и потому прошу меня уволить на покой»², – писал он Патриарху Тихону 1 января 1924 года. Ввиду того, что епископ Архангельский Антоний (Быстров) был арестован, Патриарх предложил епископу Николаю временно вступить в управление Архангельской кафедрой, но и от этого предложения епископ отказался и остался жить в Вологде, продолжая служить в Екатерининской церкви, где когда-то был настоятелем.

В 1927 году викарием Вологодским, епископом Тотемским, был назначен владыка Аполлос (Ржаницын), а в 1928 году правящим Вологодским архиереем стал архиепископ Амвросий (Смирнов). Все три архиерея, включая находившегося на покое епископа Николая, жили в то время в Вологде и служили в двух оставшихся после неистовств безбожников православных храмах – на Богородском и Горбачевском кладбищах. Во время больших церковных праздников архиереи служили вместе, и после богослужения кто-нибудь из священников или мирян приглашал их на праздничную трапезу; епископы, священники и миряне делились здесь своими впечатлениями об окружающей жизни, приводили примеры давления на Церковь и гонений на духовенство и

верующих. Побывавшие в заключении и ссылке рассказывали об условиях содержания в тюрьмах и лагерях.

Николай, епископ Вельский, викарий Вологодской епархии

В начале 1931 года поднялась очередная волна гонений на Русскую Православную Церковь, обрушившаяся и на клир Вологодской епархии. Сначала были арестованы некоторые миряне, члены церковного совета; 10 мая 1931 года власти арестовали архиепископа Амвросия, епископа Николая, священников и мирян. Всего было арестовано тридцать пять человек: семнадцать священнослужителей, семь монахов и одиннадцать мирян. Их обвинили во взаимном общении, посещении друг друга в церковные праздники и дружеских беседах, имевших, по мнению властей, антисоветский характер.

Безбожники, управлявшие тогда государством, вторгались в церковную и личную сферы жизни, во взаимоотношения людей, разрушали христианскую благотворительность и заботу человека о ближнем, любое доброе дело. Если человек попадал в заключение, то безбожное государство, подобно языческому идолу, бездушно глядя пустыми глазницами на страдания человека, стремилось запретить оказание от ближних помощи, разрешая лишь ограниченную помощь от родственников.

Сотрудники ОГПУ писали в то время в своих отчетах о преследованиях Церкви в Вологодской области: «В мае 1931 года на территории города Вологды и Грязовецкого района вскрыта и ликвидирована контрреволюционная группировка реакционно-настроенного правого духовенства, деятельность которой к моменту ее ликвидации сводилась к проведению нелегальных собраний... группированию вокруг церкви антисоветского элемента под видом создания "сестричества"... антисоветской агитации, распространению провокационных слухов, противодействию колхозному строительству,

награждению административно-ссылного духовенства с целью вовлечения его в контрреволюционную работу»³.

Епископ Вельский Николай (Караулов)

14 мая епископ Николай был вызван на допрос. На вопросы следователя он отвечал немногословно и сдержанно: «Знакомства особенного не имею, а по службе знаю все духовенство города Вологды. Также знаю и тех, которые со мной учились. Иногороднего знакомства тоже не имею»⁴.

Стали допрашиваться обвиняемые и свидетели. Все они показали, что, действительно, духовенство и епископы собирались после церковных праздничных служб у кого-нибудь из прихожан. Велись разговоры о том, что все духовенство может быть арестовано, и епископы советовали священникам держаться осторожней. Обсуждались декларация митрополита Сергия и его интервью, которые единодушно не одобрялись, но при этом признавалось правильным каноническое подчинение митрополиту Сергию как законному заместителю Местоблюстителя, оставлялось обязательным и поминовение за богослужением имени митрополита Петра* как главы Русской Церкви.

«Несомненно, реакционной личностью является епископ Николай (Караулов), – показал один из свидетелей. – Как старожил, он знаком почти со всеми верующими города Вологды и находится с ними в постоянном и тесном соприкосновении. Мне доподлинно известно, что он все свое свободное от богослужений время употребляет на посещение отдельных квартир, где не стесняется жаловаться на свое беспомощное положение, проистекающее от взятого советской властью курса политики, и свою досаду обращает во вредную агитацию против всех мероприятий советской власти. Как-то в алтаре в беседе со мной епископ Николай показал мне служебник, где была вычеркнута ектения об оглашенных, и при этом заявил: “Если совершится переворот в СССР,

* Священномученик Петр (в миру Петр Федорович Полянский), митрополит Крутицкий; память празднуется 27 сентября/10 октября.

то какое значение приобретет эта ектения”, в том смысле, что скольких придется присоединять к Церкви, не принявших крещения. Также... епископ Николай высказал такую мысль: “Как мало мы умели ценить самодержавие, которое было единственным оплотом Православной Русской Церкви”, – и при этом сослался на покойного епископа Никона^{*}, известного монархиста и черносотенца⁵.

Другой свидетель показал, что на частных собраниях духовенства «подвергались критике отдельные мероприятия советской власти и выражались недовольства по поводу политики советского правительства в отношении налогов и закрытия церквей»⁶.

Свидетели также показали, что «на частных молебнах делали поминовения заключенных, указывая: “заключенного такого-то”, что, по существу, является демонстрацией в защиту заключенных за разные контрреволюционные преступления»⁷.

Все эти свидетельства показали сотрудникам ОГПУ недостаточными, и для получения дополнительных сведений в камеру, в которой находились архиереи и священники, был помещен секретный осведомитель; он стал регулярно сообщать следователям, о чем разговаривают заключенные, насколько он смог их понять. Заключенные подозревали в нем осведомителя и опасались при нем разговаривать, но в маленькой камере невозможно было избежать откровенных разговоров и обсуждения своего положения – разве только совсем замолчать.

Осведомитель сообщил сотрудникам ОГПУ: «Из тех религиозных убеждений и рассуждений, которые мне пришлось слышать в камере, я заключил, что служитель Церкви может быть только монархистом... Эти убеждения, или верования настолько в них... сильны, что отступить от них никогда они не смогут.

Где бы представители Церкви ни находились и в каких бы тяжелых условиях, они всегда будут верны заветам Церкви и тем законам, которые существовали до революции. Но сейчас он (Караулов) за советскую власть, потому что он в ДПЗ ОГПУ, – выпусти его на свободу, и он будет еще с большим усердием проповедовать свои религиозные убеждения и заветы Церкви, заветы святых отцов и Вселенских соборов, живших и бывших чуть ли не полторы тысячи лет назад.

Караулов говорит товарищу Блюменбергу^{**}, что он сейчас не у власти, он в заштате, но он забыл сказать, что у него только в городе до трех тысяч квартир со знакомыми верующими, преданными Церкви Божией людьми... Караулов местный, старый житель. Он в городе самый популярный епископ. Он уважаем и всеми священниками... Очень уважаем и сидящими в камере...

Все сидевшее и сидящее духовенство (в камере № 6) настоящее свое положение считает... страданием за веру и Церковь Божию... На самом деле этого нет: имеют теплую камеру, нары, матрацы, 300 граммов хлеба, в последние дни вкусный, сытный суп, два раза кипяток, прогулку, правда, пока без передач»⁸.

14 декабря 1931 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Николая к трем годам ссылки в Северный край, а 7 марта 1932 года, во изменение прежнего постановления, – к тому же сроку, но на другой край страны – в Казахстан. Епископ Николай (Караулов) скончался в тюрьме – 17 апреля 1932 года⁹ и был погребен в неизвестной могиле.

* Рождественского.

** Следователю.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Апрель».
Тверь. 2006. С. 19-27

Библиография

Церковное слово. 1907. № 22. С. 347.

Газ. «Благовестник». № 8-9 (52-53). 1999. К. Козлов. Епископ Николай (Караулов). Материалы к жизнеописанию.

ЖМП в 1931-1935 годы. М., 2001. С. 142.

РГИА. Ф. 831, д. 272, л. 5.

УФСБ России по Вологодской обл. Д. П-10887.

Примечания

¹ Церковное слово. 1907. № 22. С. 347.

² РГИА. Ф. 831, д. 272, л. 5.

³ УФСБ России по Вологодской обл. Д. П-10887, л. 275.

⁴ Там же. Л. 52 об.

⁵ Там же. Л. 118.

⁶ Там же. Л. 189 об.

⁷ Там же. Л. 190.

⁸ Там же. Л. 208-210.

⁹ ЖМП в 1931-1935 годы. М., 2001. С. 142.